

СЛАВЯНСКИЙ
И БАЛКАНСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКИЙ И БАЛКАНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ВИНОГРАДЬЕ

К ЮБИЛЕЮ
ЛЮДМИЛЫ
НИКОЛАЕВНЫ
ВИНОГРАДОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2011

УДК 398
ББК 82
С 47

*Издание осуществлено и подготовлено при поддержке
Программы ОИФН РАН
«Генезис и взаимодействие социальных,
культурных и языковых общностей»*

Редколлегия:

О. В. БЕЛОВА

А. В. ГУРА (ответственный редактор)

С. М. ТОЛСТАЯ

Славянский и балканский фольклор. Винограде. [Вып. 11]. —
М.: Индрик, 2011. — 376 с., ил.

ISBN 978-5-91674-165-0

Одиннадцатый выпуск серии «Славянский и балканский фольклор» посвящен юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой.

Помещенные в сборнике статьи сгруппированы в пять разделов, которые связаны с широким кругом тем, интересующих Людмилу Николаевну. Первый раздел посвящен общим вопросам этнолингвистики, семантическим категориям языка культуры, культурной семантике и функции лексики и фразеологии. Второй раздел содержит работы по славянской народной демонологии – области, наиболее близкой юбиляру. В третьем разделе публикуются статьи, анализирующие фольклорные тексты магического характера (заговоры, проклятия) и духовные стихи. В четвертом разделе рассматриваются обряды (свадебный, календарные, ocasionальные) и обрядовый фольклор в контексте верований и мифологии. Наконец, в статьях пятого раздела анализируются мифологические мотивы в литературных произведениях и искусстве. Несколько публикаций посвящено народной культуре Закарпатья, с которым связаны юные годы Людмилы Николаевны – в Мукачеве она окончила среднюю школу, в Ужгороде – филологический факультет университета.

Завершает сборник список научных трудов юбиляра.

© Коллектив авторов, Текст, 2011

© Оформление.

ISBN 978-5-91674-165-0

Издательство «Индрик», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
--------------------------	---

Язык и культура

<i>Толстая С.М.</i> Предметные оппозиции, их семантическая структура и символические функции	9
<i>Антропов Н.П.</i> Аксиологические мотивы этнолингвистической аттракции.	19
<i>Березович Е.Л., Казакова Е.Д.</i> Ситуация «языкового испытания» в народной культуре	27
<i>Кабакова Г.И.</i> Приглашение к застолью	39
<i>Гура А.В.</i> О конфликтных ситуациях в традиционной крестьянской культуре	49
<i>Морозов И.А., Фролова О.Е.</i> <i>Живое/неживое</i> в культурных и языковых контекстах.	61

Народная демонология

<i>Раденкович Л.</i> Опасные места в славянской народной демонологии	73
<i>Колосова В.Б.</i> Демонология в славянской этноботанике	89
<i>Андрюнина М.А.</i> «Заложные» покойники – локусы тела и локусы души	99
<i>Ясинская М.В.</i> Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром . . .	109
<i>Мороз А.Б.</i> «Старичок». Опыт описания мифологического персонажа	121
<i>Добровольская В.Е.</i> Икота в традиционной культуре (на материалах Владимирской области)	131
<i>Плотникова А.А.</i> Народная мифология в закарпатской Верховине.	141
<i>Толстая М.Н.</i> <i>Потинка</i> и <i>баяние</i> в закарпатском селе Синевир	149
<i>Валенцова М.М.</i> Демонологические представления Оравы	157

Фольклор: темы, мотивы, прагматика

<i>Никитина С.Е.</i> Огонь, вода и (медные) трубы (на материале фольклорных религиозных песенных текстов).	167
<i>Небжеговска-Бартминьска С.</i> «Posłuchajcie, grzesznicy, o straszhwym sądzie...» Wykonawca, narrator i bohater ludowych pieśni dziadowskich	181

<i>Неклюдов С.Ю.</i> Голая невеста на дереве	195
<i>Агапкина Т.А.</i> О некоторых особенностях передачи и функционирования восточнославянской заговорной традиции	205
<i>Юдин А.В.</i> Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источник ее образа	215
<i>Седакова И.А.</i> Проклятие в народных болгарских песнях: Этнолингвистика и фольклорная поэтика	225

Обряды и обрядовый фольклор

<i>Пашина О.А.</i> О критериях выделения видов и версий свадьбы-веселья (на примере смоленской свадьбы)	237
<i>Курочкин А.В.</i> Элементы греко-католического синкретизма в календарной обрядности украинцев.	243
<i>Белова О.В.</i> «Тюти-тютю, Мошке, погуляемо трошки...» (современное святочное ряжение в Галиции).	253
<i>Чёха О.В.</i> Святочное ряжение в западной Македонии: <i>роукатсáрия</i> и <i>иповипоутсáрия</i>	267
<i>Бондарь Н.И.</i> Магия луны (из окказиональной обрядности восточнославянского населения Северного Кавказа: XIX – нач. XXI в.).	281
<i>Узенёва Е.С.</i> Запреты и предписания в традиционной культуре Закарпатья (с. Колочава Межгорского р-на Закарпатской области).	289

Миф – фольклор – литература

<i>Петрухин В.Я.</i> Пожиратели материнского молока у Псевдо-Кесария: демонологический мотив или «религиозный навет»?	299
<i>Топорков А.Л.</i> Мифологический образ дерева, растущего из женского тела	305
<i>Софронова Л.А.</i> «Некто» и «нечто» в ранних повестях Гоголя	315
<i>Айдачич Д.</i> Чернокнижник пан Твардовский и договор с дьяволом в литературе XIX в.	323
<i>Цивьян Т.В.</i> Вербная тема в русской литературе XX в.: мерцающая мифология (Несколько примеров)	331
<i>Свирида И.И.</i> <i>Свое</i> и <i>чужое</i> имя в искусстве	343

Список научных трудов Л.Н. Виноградовой	357
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий (одиннадцатый) выпуск серии «Славянский и балканский фольклор» посвящен юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой, которая по этой причине не входит в число его авторов, хотя в каждом из прежних выпусков публиковались ее яркие работы, которые во многом определяли лицо и уровень этого издания. Здесь были напечатаны такие ее ставшие знаменитыми статьи, как «Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки» (1978), «Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели)» (1981), «Мифологический аспект полесской “русальной” традиции» (1986), «Народные представления о происхождении нечистой силы: демонологизация умерших» (2000), «Социорегулятивная функция суеверных рассказов о нарушителях запретов и обычаев» (2006) и др.

Работы, составившие этот том, — дань уважения и признания коллег и друзей замечательному ученому, неутомимому труженику, благородному и скромному человеку. Подзаголовок «Винограды» как нельзя лучше подходит к данному случаю. Этот рефрен русских рождественских песен, перекликающийся с именем юбиляра, отправляет нас к актуальному для юбилея жанру и мотиву величания и благопожеланий, так и к теме зимней рождественской поэзии славян, которой посвящена широко известная первая книга Людмилы Николаевны «Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян» (1982). *Виноград* в русском народном языке означает ‘всякий плод’, а также ‘сад’, значит, *винограды* мы можем понимать здесь как выращенные Людмилой Николаевной за годы творчества прекрасные научные плоды, заслужившие признание в нашей стране и за ее пределами. Усилиями и талантом Людмилы Николаевны создано особое направление, изучающее славянскую народную демонологию, — эта сфера народной культуры долгое время у нас не разрабатывалась и вообще не считалась предметом науки. Книга Людмилы Николаевны «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» (2000)

в первый же месяц после выхода в свет была раскуплена и стала библиографической редкостью; ее «индекс цитирования» чрезвычайно высок. В словаре «Славянские древности» многие статьи на темы низшей мифологии и мифологических верований принадлежат ей. В 2010 г. вышел из печати первый из четырех томов материалов «Народная демонология Полесья», подготовленный Л.Н. Виноградовой совместно с Е.Е. Левкиевской.

Помещенные в настоящем томе статьи сгруппированы в пять разделов; они связаны с широким кругом тем, интересующих Людмилу Николаевну. Первый раздел посвящен общим вопросам этнолингвистики, семантическим категориям языка культуры, культурной семантике и функциям лексики и фразеологии. Второй раздел содержит работы по славянской народной демонологии – области, наиболее близкой юбилару. В третьем разделе публикуются статьи, анализирующие фольклорные тексты магического характера (заговоры, проклятия) и духовные стихи. В четвертом разделе рассматриваются обряды (свадебный, календарные, окказиональные) и обрядовый фольклор в контексте верований и мифологии. Наконец, в статьях пятого раздела анализируются мифологические мотивы в литературных произведениях и искусстве. Несколько публикаций посвящено народной культуре Закарпатья, с которым связаны юные годы Людмилы Николаевны – в Мукачево она окончила среднюю школу, в Ужгороде – филологический факультет университета.

Подобно участникам рождественских обходов, авторы настоящего тома хотели бы выступить в жанре величания, исходя из определения, данного в словаре «Славянские древности»: «величание – ритуальное восхваление и прославление», в котором часто «на первое место выходит благопожелательный компонент». Восхваляя и поздравляя Людмилу Николаевну, мы желаем ей здоровья и еще многих лет творчества на благо нашей науки!

С. М. Толстая

С. М. Толстая

*ПРЕДМЕТНЫЕ ОППОЗИЦИИ,
ИХ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ*

Много лет тому назад в нашей совместной с Людмилой Николаевной статье о венке (Виноградова, Толстая 1993) мы попытались кратко определить основные признаки (свойства) предмета (в частности артефакта), релевантные для его концептуализации и символизации в языке традиционной культуры, – утилитарная функция, форма, цвет и другие внешние признаки, отношение к другим предметам (вхождение в ряд), характерные для него параметры места и времени, его «происхождение» (способ изготовления, материал и т.п.), его типичные «владельцы» или «деятели» и др. В настоящих заметках я хочу продолжить тему предметного кода культуры и коснуться вопроса о предметных оппозициях, т.е. об антитетическом противопоставлении предметов (часто ситуативно или контекстно обусловленном). Например, в свадебной песне, записанной в Заонежье, в обращении невесты к родителям: «Вы послушайте, желанные родители, / Как приехали поезжанюшка, / Лошаденка лысатая, / А поезжанюшка плешатая. / Скатеретушку кладите им онученьку, / Хлеб-то вы кладите сухаришечко, / Кладите чашечки да им да черепашечки, / Кладите ложечко да им обгрыжченко» (Кузнецова, Логинов 2001: 48), – содержатся оппозиции «скатерть – онуча», «хлеб – сухарь», «чашка – черепушка». Прежде чем заняться анализом подобных оппозиций, необходимо уточнить сами понятия предмета и оппозиции применительно к языку культуры.

В логике и философии противопоставляются **предмет** и **предикат** (свойство, признак и действие) как два разных типа онтологических сущностей, взаимодополнительных и определяемых друг через друга: предмет идентифицируется по совокупности своих признаков и характерных действий, а предикат – по совокупности своих предметных «актантов»; предмет представляет собой целостный объект действительности, а предикат – абстрагированный от объекта признак, не имеющий конкретного воплощения, но присущий многим предметам; предмет существует в пространстве (занимает определен-

ное место в пространстве, материальном или идеальном), а предикат – во времени; предикат связан с определенной целостной ситуацией, а предмет – с множеством ситуаций, и т.д. В лингвистике предметные и предикатные имена также кардинально противопоставляются, ср.: «Для предметных лексем нужно строить дифференциальные толкования, потому что исчерпывающие невозможны, а для предикатных – исчерпывающие, потому что дифференциальные недостаточны. <...> Двум разрядам лексики и, соответственно, двум типам толкований соответствуют и две разные семантические классификации языковых единиц – таксономическая и фундаментальная. Первая предназначена для предметных единиц (например, названий различных объектов живой и неживой природы), а вторая для предикатных» (Апресян 2009: 28).

Как в языке, так и в культуре образ предмета как компонента картины мира антропоцентричен, т.е. в нем закреплены только те признаки и свойства, которые значимы для человека, имеют отношение к человеку. В языке совокупность релевантных признаков предмета («кластер» его свойств) формирует семантику слова, в культуре они определяют культурный знак – стереотип (или концепт), отражающий культурные (символические) функции предмета. Семантические характеристики предметного слова в языке и категоризация предмета в культуре (его культурная семантика и функции) зависят от их принадлежности к определенному таксономическому классу: имена и стереотипы животных отличаются от имен и стереотипов растений, орудий, явлений природы, артефактов и т.п.¹

Подобно словам в языке, предметные знаки культуры вступают в системные парадигматические отношения с другими знаками культуры. Как и слова, они могут быть многозначными (полисемия), вступать в отношения синонимии (изофункциональности), омонимии, антонимии (см. Толстая 2010: 14–17), в другие виды отношений и зависимостей, например, устойчивой взаимодополнительности (ср. *ключ* и *замок*, *ступа* и *пест*).

Понятие семантических **оппозиций**, широко используемое в исследованиях содержательного плана культуры (см. Толстая 2004), относится прежде всего к предикатам (признакам), даже если они формулируются на языке имен, ср. «мужской–женский», «свой–чужой», «верх–низ», «sacrum–profanum», «далеко–близко», «восток–запад», «здоровье–болезнь» и т.п. Предикатные оппозиции представляют со-

1 Об отличительных свойствах предметных имен см. Рахилина 2001; о предметном коде культуры см.: Байбурун 1981; Топорков 1989; Топоров 1993; Добровольская 2009.

бой пары альтернативных признаков, которые могут противопоставлять множество предметов, наделенных этими признаками. Предметные оппозиции имеют принципиально иную природу. В отличие от предикатных, они противопоставляют друг другу не абстрактные признаки, а целостные «индивидуальные» образы объектов или явлений действительности, обладающих определенным набором предикатных характеристик (признаков и свойств), из которых, однако, в каждой отдельной оппозиции актуализируется какой-то один из релевантных признаков. Так, в приведенном выше примере *скатерть* как предмет «высокой» сферы, символизирующий гостеприимство и сакральность трапезы, противопоставляется *онуче* как предмету сугубо утилитарного, «низкого» назначения, не совместимому с ситуацией гостеприимства; при этом другие признаки этих предметов, например, материал, из которого они изготовлены (полотно), в расчет не принимаются.

В основе любой оппозиции в языке культуры лежит **оценка**: положительное противопоставляется отрицательному, хорошее – плохому, доброе – злему, полезное – бесполезному и т.д., поэтому бинарные оппозиции (особенно предикатные) могут приравниваться друг к другу, составлять эквивалентные ряды и символически отождествляться: «мужской–женский» может коррелировать с «правый–левый», «верхний–нижний», «внутренний–внешний» и т.п. на том основании, что все левые члены пар оцениваются положительно (во всех или в каком-то определенном отношении), а правые – отрицательно (см. Толстой 1987).

Семантические оппозиции сопоставимы с явлением антонимии в лексике, и так же, как и антонимия, они могут быть разными – и по характеру отношений между членами оппозиции, и по характеру (степени) противопоставленности членов антитезы, и по их прагматике (см. Толстая 2008). В зависимости от того, какие объекты действительности противопоставляются друг другу, среди предметных оппозиций могут быть выделены разные **таксономические** (онтологические) типы (явления природы, растения, животные, человек, артефакты и др.). В зависимости от того, по какому признаку они противопоставляются (мужской–женский, «верх–низ», «sacrum–profanum», «больше–меньше» и т.д.), могут быть выделены **семантические** типы предметных оппозиций. По характеру самого противопоставления могут различаться **логические типы** оппозиций (привативные, эквивалентные, градуальные и т.п.). Наконец, по условиям (ситуациям) противопоставления могут быть выделены **системные** (регулярные) и **контекстные** (окаzionaliальные) оппозиции. Рассмотрим их кратко.

Таксономические типы оппозиций можно иллюстрировать следующими примерами (для краткости берутся примеры из паремиоло-

гического фонда – русского², украинского³ и сербского⁴, однако многие из них могут быть подтверждены и дополнены данными других форм и жанров символического языка культуры⁵):

- объекты и явления природы (мироздание, рельеф, погода): солнце–луна (*Как місяць ни свети, а все не солнышко; Светило б солнце, а місяць даром; И місяць светит, когда солнца нет; Сонця нема, то й місяць світить; Сонце – батько, а місяць – вітчим*); місяць–звезды (*Не дбаю о звiзди, коли мій місяць світить*); солнце–тучи (*Хмарні дні учать нас любити сонце*); солнце–дождь (*После дождичка даст Бог солнышка; Дождик вымочит, а красно солнышко высушит; Коробом сонце, ситом дощ; Дощ вимочить, сонечко висушить, буйні вітри голову розчешуть*); море–лужа (*Не ищи моря, и в луже утонешь*); небо–земля (*На небо не взлезешь, в землю не уйдешь; По небу широко, а по земле далеко; Да это как небо от земли (разнится); Небо – престол Божий, земля – подножие; Моя хата небом крыта, землю підбита, вітром загороджена*); небо–море (*Як небесна височина, так морська глибина*); поле–лес (*Поле бачить, а ліс чує; Поле видне та глухе, а ліс темний та чуйний; Поле плаче, а ліс скаче*); гора–дол (*Гори високі мають доли глибокі; Гору хвали, а низ ори*) и т.п.

- время: день–ночь, вечер (*Якби не було ночі, то не знали б, що таке день*); лето–зима (*Готовь сани летом, а телегу зимой; Ко у лето не ради, у зиму гладує*); осень–весна (*Восени багач, а навесні прохач; Весна говорить – уроджу, а осінь каже – я ще погляджу*) и т.п.

- растения: верба–яблоки, груши (*Дождешься, как от вербы яблочек*); крапива–лилия (*Часом і між кропивою лілія росте*); береза–дуб (*Аби дубки, а берізки будуть; Що дуб – то не береза*) и т.п.

- животный мир: пчела–оса (см. Гура 1997: 450); вол–конь (*Кінь волові не товариш*); вол–корова (*Боље је за годину волом него сто година на кравом*); волк–овца (*Волк в овечьей шкуре; И све овци и сити вуци*); вол–лягушка (*Как ни дуйся лягушка, а до вола далеко*); кошка–волк (*Лиже као мачка, а ждере као вук*); сокол–ворона (*На чужој стороне и сокола зовут вороною*); синица–журавль (*Лучше синица в руках, чем журавль в небе*); петух–курица (*Боље је бити пјевац један дан него кокош мјесеци*); яйцо–курица (*Лучше лишиться яйца, чем курицы*) и т.п.

- субстанции и вещества: вода–молоко (*Обожжешься на молоке, станешь дуть и на воду; Кто опікса на молоці, то й на зимну воду дмухає; Як з поганим молоком, то краще з водою*); хлеб–вода (*Хліб –*

2 Даль 1957; Снегирев 1999.

3 Прислів'я та приказки 1989–1991.

4 Карацић 1972.

5 См. «предметные» статьи в словаре СД.

батько, вода – мати); вода–мед (*Лучше воду пить в радости, нежели мед в кручине*); мед–деготь (*Кадка (бочка) меду, ложка дегтю: все испортишь*); деготь–сметана (*Не обычай дегтем щип белить, на то сметана*); вода–огонь (*Він ані в воді не втоне, ані в огні не згорить*; *Огонь и вода – то добро і біда*; *Вогонь палить, вода студить*); вода–кровь (*Кровь людская не водица; Крв није вода*); вода–камень (*Вода м'яка, а камінь пробиває*); грязь–золото (*Казав овес: сій мене в болото – буду золото; Кинь ячмінь в болото – вбере тебе в золото*); огонь–дым (*Док се чоек дима не надими, не може се ватре нагријати*); шерсть–железо (*У Бога су вунене ноге, а гвоздене руке*) и т.п.

- локусы: дом–поле (*Что в поле ни родится, все в доме пригодится*); дверь–окно (*Заступи природу дверима, то вона тобі вікном*); дом–баня (см. СД 1: 138–140); хата–каменные палаты, светлица (*Своя хата краца від чужих палат кам'яних; Своя мазанка ліпша чужої світлиці*); хлев–горница (*Як хліба край, так і в хліві рай, а як хліба ні куска, так і в горниці тоска*); дом–могила (*Ближе сам гробу него дому; Данас у дом, а сјутра у гроб*) и т.д.

- тело (человека, животного): тело–душа (*Телу простор – душе тесно; Грешное тело и душу съело*); плоть–дух, душа (*Плоть грешна, да душа хороша*); голова–ноги (*Дурная голова ногам покоя не дает; Увязнешь ногою, поплатишься головою; Тешико ногама под лудом главом*); голова–руки (*Легче работать руками, чем головою*); голова–волосы (*Снявши голову по волосам не плачут*); голова–шапка (*Спихватился шапки, когда головы не стало; Док је главе, биће капа*); голова–хвост (*Голова хвоста не ждет; Была бы голова, а хвост будет*); глаза–уши (*Жену выбирай не глазами, а ушами*); глаза–ноги (*Очи су да гледу а ноге да греду*); уши–хвост (*Не держал за уши (за гриву), а за хвост не удержишь*); ухо–брюхо (*Слушай ухом, а не брюхом*); зверь–шкура (*Не продавай шкіри не вбивши звіра*) и т.п.

- человек социальный и духовный: мать–мачеха (*Мать гладит по шерсти, мачеха против; Природа одному мама, а другому мачуха*); мать–дитя (*Док дијете не заплаче, мати га се не сјећа*); хозяин–слуга (*Кто господин деньгам, а кто слуга; Вогонь добрий слуга, але поганий хазяїн*); хозяин–хозяйка (*Од господаря повинно пахнути вітром, а од господині – димом*); друг–враг (*Лучше друг вдали, чем враг вблизи*); Бог–люди (*Как Бог до людей, так отец до детей*); Бог–черт (*Бог дает путь, а дьявол крюк; Бога не гневи, а черта не смейши*) и т.п.

- артефакты: ложка–ведро, бочка (*На весну корець дощу – ложка болота, восени ложка дощу – корець болота*); мешок–торба (*Сьогодні з мішком, а завтра з торбинкою*); серп–бритва (*Багато-го й серп голить, а убогого і бритва не хоче*); нож–ложка (*Нож со стола упал – гость будет; ложка или вилка – гостья*); нож–топор

(*Не по что с ножом, где топор заложен*); сани–телега (*Готовь сани летом, а телегу зимой*); веник–венок (*Барвінок на вінок, а полин на віник*); полотенце–онуча (*После полотенчика онучей не утираються*); нитка–рубаха (*С миру по нитке – голому рубаха*); крест–лопата (*З одного дерева і хрест і лопата*); крест–пест (*Дурак не боится креста, а боится песта*); икона–лопата (*В лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате молимся; Из одного дерева икона и лопата; З одного дерева і ікона і лопата*); стол–престол (*Хлеб на стол, так стол престол; а хлеба ни куска – так и стол доска; Коли хліб на столі, то стіл – престіл, а коли хліба ні куска, тоді стіл лиш гола дошка*); церковь–кабак (*Хоть церковь и близко, да ходитъ склизко, а кабак далеконько, да хожу потихоньку*); хлеб–булка, паляница, калач, пирог (*Голодному здається кожен хліб за булку; Краще хліб з водою, ніж паляниця з бідою; Краще сухий хліб з водою, як калач з бідою; Ешь пироги, а хлеб вперед береги*) и т.п.

Семантические типы предметных оппозиций определяются тем, какие признаки лежат в их основе. Например, признак «мужской–женский» служит основой противопоставлений: *хозяин–хозяйка, парень–девушка* и т.п.; *ложка–нож, ступа–пест* и т.п., но на этот признак могут накладываться другие смыслы: статусная иерархия (*хозяин* имеет более высокий статус, чем *хозяйка*), эротические коннотации (*ступа–пест*) и др. Смысл антитезы *хлеб–вода* раскрывается через посредство оппозиции *отец–мать* (*Хліб – батько, вода – мати*), основанной на признаке «мужской–женский», однако этой гендерной оппозицией не исчерпывается семантика паремии, т.к. за ней стоит идея кардинального для человека единства этих двух начал – отцовского и материнского (без их статусного сравнения).

Признак «верх–низ» лежит в основе оппозиций *небо–земля, небо–море, гора–дол*, в первом случае он может принимать «идеологическую» трактовку и противопоставлять *небо* как высший духовный, сакральный, божественный мир *земле* как низшей, человеческой сфере жизни. Формально этот же признак противопоставляет *голову* и *ноги*, однако в большинстве случаев их оппозиция строится на «функциональном» толковании частей тела, т.е. *голова* как «орган» интеллектуальной деятельности человека противопоставляется *ногам* как «орудию» физической активности (ср. *Дурная голова ногам покоя не дает*).

Оппозиции *мать–мачеха, отец–отчим* можно считать привативными: в них сопоставляемые члены имеют общий признак «мужской–женский», занимают одинаковое место в системе родства, но различаются по признаку «свой–чужой» («родной – не родной»), что получает ценностную интерпретацию, ср. *Сонце – батько, а місяць – вітчим*.

Предметы могут противопоставляться друг другу по степени проявления некоторого признака: «больше–меньше», «сильнее–слабее» и т.п. В поговорке *Сонця нема, то й місяць світить* отношение между солнцем и месяцем определяется их ценностным сопоставлением, в котором солнцу как более яркому светилу приписывается более высокая «ценность», чем месяцу, и эта антитеза носит градуальный характер (большая и меньшая степень проявления признака – способности светить). Ср. еще чисто «количественную» оппозицию *ложки* как емкости малого объема и *ведра* как емкости большего объема; оппозицию *капля–море* (ср. *капля в море*) и т.п. В оппозициях типа *хлеб–калач* «нормативный», «стандартный» предмет сопоставляется со своим «исключительным» вариантом, отличающимся более высоким качеством (вид привативной оппозиции). Антитезы сравнительной количественной оценки (наряду с другими видами оценки) часто выступают в так называемых паремиях предпочтения (модель *Лучше меньше, да лучше*), ср. *Маленькая рыбка лучше большого таракана*⁶.

Антитеза может соотносить не только полярные в отношении того или иного признака предметы разных сфер действительности, но и сопрягать по принципу синекдохи целое с его частью (*голова–волосы, зверь–шкура*) или по принципу метонимии предметы, реально или ситуативно связанные друг с другом (*огонь–дым, голова–шапка, глаза–уши, дверь–окно* и т.п.), ср. *Не купив коровы, да завел подошник*.

В «ролевых» оппозициях соотносятся взаимодействующие предметы или лица, и само противопоставление строится на противоположности их ролей (предикатов) относительно друг друга: *хозяин–слуга, мать–дитя, муж–жена, волк–овца* и т.п.

Прагматическая оценка (эстетическая или утилитарная) лежит в основе оппозиций *солнце–дождь* (солнечная погода предпочтительна с хозяйственной точки зрения), *мед–деготь* (мед предпочтительнее как ценный вид пищи), *золото–грязь* (золото – символ высшей ценности, грязь лишена полезных свойств), *лилия–крапива* (лилия – эталон красоты, а крапива ни эстетически, ни утилитарно непривлекательна), *венок–веник* (венок воспринимается прежде всего как атрибут девушки, а веник – как утилитарный предмет домашней утвари) и т.п.

Признак «*sacrum–profanum*» имеет особое значение в системе оценок и сопоставлений и потому часто оказывается основой антитетического противопоставления предметов, относящихся к самым разным сферам действительности, ср. *небо–земля, дом–баня, пчела–оса, липа–осина, престол–стол, икона–лопата, крест–лопата* и т.п.

6 О паремиях «предпочтения» см. Арутюнова 1985.

Н. П. Антропов

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ

Под этнолингвистическим притяжением (аттракцией) предлагается понимать особый случай народной этимологии, а именно омофонически обусловленное взаимное соотнесение некоторых наименований, часть которых в результате такого соотнесения может переходить в сферу вербального кода традиционной культуры того или иного этноса. Подобное народноэтимологическое (иначе – ложноэтимологическое) притяжение обычно неродственных (либо этимологически непрозрачных, изолированных и т.п.) слов и его этнокультурное наполнение, ведущее далее к этимологической магии, на большом славянском материале было рассмотрено более двух десятилетий назад Н.И. и С.М. Толстыми в докладе на X (Софийском 1988 г.) съезде славистов. Однако авторы принципиально расширили сам подход к исследованию этого явления: «Приемы, применяемые в собственно лингвистических работах по народной этимологии, оказываются здесь явно недостаточными ввиду большей сложности самого объекта: в качестве единицы описания в данном случае выступает не лексическая пара (подчеркнуто мною. – Н.А.) семантически сближенных созвучных слов, а, как правило, целый, нередко достаточно пространственный текст, в пределах которого только и может быть выявлена мотивировка самого сближения» (Толстые 1988: 251)¹. В статье приводится и коллекция разнообразных примеров сближений такого рода в славянских этнокультурах, ср., в частности, восточнославянские – такие хорошо известные собирателям сведений по традиционной народной культуре, как «Солнце *купаются* на *Купального* Ивана» или «Фёдор *Студит* землю *студит*» и т.п.

Однако, как представляется, небезынтересны и случаи этнолингвистического притяжения, связанные именно с парами лексем. Причем оказывается, что такая аттракция в собственно этнокультурной пара-

1 Впоследствии к этой теме неоднократно обращались, в частности, Р. Попов, Б. Сикимич, Ж.Ж. Варбот, А.Л. Топорков, М.В. Ясинская и др.

дигме может также иметь аксиологическую составляющую. В этом смысле представляют интерес некоторые славянские названия радуги.

Уже не раз обсуждалась в литературе и в особых комментариях не нуждается номинативно-адъективная пара [*весёлка*] – *весёлый*. Во всяком случае, в народном восприятии связь радуги с весельем, радостью совершенно очевидна, ср., например, записи из Полесского архива Института славяноведения РАН: «[Можно ли пройти под радугой (весёлкой)?] *Можна. Вес'óлым б'уде* [тот, кто пройдет]²; *Весел'уха ст'ала, б'уде дажш. Вр'оде кр'асная вес'óлая, галуб'ая, зел'óная...*» (Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.). Между тем, наименование радуги, которое совершенно естественно связывалось с праславянским **vesel-* ‘веселый’ якобы от чувства удовлетворения древних (дохристианских времен) земледельца и пастуха, увидевших радугу, потому что ее появление «предвещает плодородие и предвещает тем самым радость и веселье», – согласно реконструкции Н.И. Толстого, обобщившего южнославянские данные (Толстой 1997: 179, 212), является, судя по всему, ранним мифопоэтическим трансформом древнеславянской исходной основы **vez-slo/*vez-slo* ‘1. то, что связано, связывает; чем связывается; 2. коромысло’, что в свое время было весьма убедительно показано А.А. Кривицким (Кривіцкі 1995: 298–299) и позже поддержано А.Ф. Журавлевым (Журавлев 2005: 181) и Л.В. Куркиной (ЭССЯ 32: 157).

Адъективную апелляцию и соответствующий этнокультурный фон имеет уникальное воложинское (западная Минщина) наименование радуги *богатка*³, которое как бы явно от *богатый*. Действительно, в соответствии с записью священника Иоанна Бермана «*богатка* (радуга) предвещает продолжение дождя» и, таким образом, по мнению Н.И. Толстого, в прямой связи с этим входит – с корректной толстовской оговоркой «возможно» – в круг наименований, которыми символично (реконструктивно) манифестируются плодородие и будущий урожай, т.е. собственно богатство, что прямо коррелирует с обычаями южных славян, именно македонцев, болгар и сербов, а также албанцев «гадать по радуге об ожидаемом урожае» (Толстой 1997: 192; см. также: 193–195, 208–209). Есть, однако, весомые основания и в этом

2 Значительно чаще отмечались, впрочем, опасные последствия нахождения рядом с радугой или пересечения границы, ею обозначенной, например, угрозы быть схваченным радугой и переброшенным на другой берег водоема/реки, выпивания ею крови и т.п., но особенно – возможная смена пола (Толстой 1997: 206–208).

3 Так (т.е. с предупредным *о*, а не с естественным в белорусском говоре *а*) в русскоязычном оригинале (Берман 1873: 40).

случае предположить некую «материальную» основу для этимологии, а именно связь с праславянским корнем **bagat-*, который реализуется в **bagatje* ‘огонь’ (ЭССЯ 1: 124), **bagaty* ‘то, что горит, тлеет; жар, огонь’ (SP, 1: 176–177, 179–180), т.е. генетическое родство с наименованиями разных видов огня типа *багач* и под.⁴

Типологически близко им фиксируемое преимущественно на Львовщине *доўга́* (с рядом фонетических вариантов в более чем 10 пунктах), которое, разумеется, соотносимо с широко распространенным в карпатском регионе *дуга́* (АУМ 2: 80; к. № 355), однако аттракционно связано с *дóвгий*.

В этом же регионе (спорадически также в других местах, но не восточнее Тернополя) отчетливо выделяются три микроареала, где отмечена лексема *туга́*, также восходящая к *дуга́* с естественной метатезой первого согласного, но с еще более яркой аксиологической мотивированностью, а именно связью с *туга́* ‘печаль, тоска’, на которую обратил внимание В.В. Нимчук, предложив рассматривать наименование радуги как семантический антоним к дериватам от [весёлка] (Німчук 1992: 164), что, безусловно, в значительной степени вероятно, если учесть, что в указанном регионе эти дериваты кроме обычного *ве^uсёлка* фиксируются также в формах, семантически еще более определенных, т.е. *весéла*, *ве^uсе^uліця*, *ве^uселічка* и *ве^uселіўка*. Однако совершенно аналогичное украинскому наименованию радуги болг. диал. *тъга́* (и его варианты *тъга́-тъгѣца*, *тъгагѣца*, *тъга́-тъгагѣца*; ср. также макед. диал. *тъга*), парное к значительно шире распространенному *дъга́* с такими же вариантами (болгарские диалектные данные обобщены в: Толстой 1997: 173, 196) и также омонимически соотносимое с *тъга́* ‘тоска, печаль’, отнюдь не имеет подобной антонимической «поддержки» – равно, кстати, как и подобные польские и кашубские формы *tega*, *taqa*, что вновь возвращает к обсуждению иных, собственно лингвистических, возможностей толкования пар славянских названий радуги с начальными согласными, различающимися по признаку глухости/звонкости (подробнее см.: Толстой 1997: 172–174; Воруś 2006: 140–141).

Нетрудно заметить, что рассмотренные выше случаи отмечены достаточно ярко выраженным аксиологическим содержанием – положительными (преимущественно) или отрицательными коннотациями.

Не менее любопытны также народноэтимологические вариации самого распространенного восточнославянского наименования, т.е. лексемы *радуга*. Действительно, его неоднозначное этимологическое толкование в связи с возможностью различного структурирования

4 Подробнее см.: Антропаў 2009.

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ И БАЛКАНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ВИНОГРАДЬЕ

Корректор *Т.И. Томашевская*
Оригинал-макет *А.Ш. Мамяшев*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: market@indrik.ru

or by tel./fax: +7 495 954-17-52

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

23,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета